

ствовавшихъ въ началѣ зарождающейся литературы, пользуются извѣстностью даже и безъ отношенія къ ихъ таланту. Когда же литература уже сколько-нибудь установится, тогда, чтобы получить въ ней почетное имя, нужно имѣть замѣчательный талантъ. Итакъ, мы помнимъ въ Пушкинскій періодъ русской литературы только четыре женскія имени: княгини З. А. Волконской, которой Пушкинъ посвятилъ своихъ «Цыганъ», Лисицкой, Готовцевой и Тепловои. Въ стихотвореніяхъ трехъ послѣднихъ проглядываетъ чувство, особливо въ стихотвореніяхъ Тепловои; это уже большая разница отъ произведеній прежнихъ стихотворицъ: то были плоды невинныхъ досуговъ, поэтическое вязаніе чулокъ, приемоторное шитье, а здѣсь уже проблескивала поэзія. Правда, упомянутыя нами стихотворицы мало писали, и только стихотворенія одной Тепловои собраны въ отдѣльную книжку-малютку; но можетъ ли быть плодovitа поэзія, основанная не на мысли, а на одномъ непосредственномъ чувствѣ?... Чувства никакъ нельзя отнять у стихотвореній Тепловои, и это чувство высказывалось у ней въ болѣе или менѣе поэтическихъ стихахъ. Напомнимъ здѣсь нашимъ читателямъ хотъ одно стихотвореніе Тепловои; возьмемъ наудачу такъ-называющееся «Къ сестрѣ».

Когда наступитъ часъ желанный  
Разлуки съ жизнію туманной,  
И отъ земныхъ тяжелыхъ узъ  
Я равнодушно отложусь:  
Миръ вѣчной жизни, тихій, ясный,  
Тогда почіетъ на челѣ;  
Но пережить тебя ужасно,  
Покинуть тяжко на землѣ!  
Тогда въ душѣ, для улаженія  
Минутой смертнаго томленья,  
Я положу завѣтъ святой...  
И жди меня въ часы полночи,  
Когда людей смежатася очи,  
И мѣсяцъ встанетъ надъ рѣкой,  
Приду на краткое свиданье,  
Скажу, что я узнала тамъ,  
И замогильныя желанья,  
И тайну неба передамъ.

Оставя въ сторонѣ ребяческую мысль этого стихотворенія, кто однако же не согласится, что оно вылилось изъ души и полно чувства?

Теперь скажемъ по нѣскольکو словъ о женщинахъ-писательницахъ, явившихся въ послѣднее время. Елизавета Кульманъ оставила послѣ себя претолстую книгу, свидѣтельствующую о ея необыкновенно возвышенной душѣ, страстной къ изящному и умѣвшей черезъ строгое и основательное изученіе обрѣсти въ эллинской поэзіи осуществленный идеалъ этого изящнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующую и о томъ, что любовь къ поэзіи и способность пони-

мать ее и наслаждаться ею не всегда одно и то же съ талантомъ поэзіи.—Павлова (урожденная Янинъ) обладаетъ необыкновеннымъ даромъ переводить стихами съ одного языка на другой; съ равнымъ успѣхомъ переводить она съ англійскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ на русскій, и съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. Жаль только, что этому превосходному таланту Павловой переводить не соответствуетъ ея талантъ выбирать пьесы для перевода. Такъ, напр., съ англійскаго она перевела на русскій нѣсколько шотландскихъ и англійскихъ народныхъ балладъ, которыя, несмотря на превосходный переводъ, не могутъ имѣть на русскомъ никакого значенія, именно потому, что онѣ—народныя. На нѣмецкій языкъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми пьесами Пушкина перевела она нѣкоторыя пьесы Языкова и Хомякова, и тѣмъ самымъ, несмотря на превосходный переводъ, отбила охоту у нѣмцевъ интересоваться русской поэзіей. И въ то же время Павлова съ такимъ удивительнымъ искусствомъ перелада на французскій языкъ, стихами, «Полководца» Пушкина и «Орлеанскую Дѣву» Шиллера. Однимъ словомъ, если бъ способность выбора соответствовала ея таланту, Павлова своими превосходными переводами усвоила бы себѣ прочную славу не въ одной только русской литературѣ.—Графиня Е. П. Растопчина, выступившая на литературное поприще съ 1835 года, въ первыхъ опытахъ своей поэтической дѣятельности обнаружила много чувства и одушевленія, при отсутствіи, впрочемъ, какой бы то ни было могучей мысли, которая проникла бы собой все ея произведенія. То, что въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной можетъ инымъ показаться мыслью, есть не что иное, какъ отвлеченныя понятія, одѣтыя въ болѣе или менѣе удачный стихъ. Это особенно замѣтно въ ея послѣднихъ стихотвореніяхъ (начиная съ 1837 года по нынѣшнее время), въ которыхъ нельзя узнать прежняго стиха даровитой стихотворицы, и въ которыхъ все мысли и чувства кружатся, словно подъ музыку Штрауса, и скачутъ, словно подъ музыку моднаго галопа, или около я автора, или въ заколдованномъ кругу свѣтской жизни, не выходя въ сферу общечеловѣческихъ интересовъ, которые только одни могутъ быть живымъ источникомъ истинной поэзіи.—Въ 1839—1840 годахъ были изданы въ прозаическомъ русскомъ переводѣ стихотворенія графини Сары Толстой, писанныя ею на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ. Эти стихотворенія понятны только въ цѣломъ и въ связи съ жизнью юной стихотворицы, похищенной смертью на восемнадцатомъ году ея жизни. Все эти стихотворенія проникнуты однимъ